

Неля Булгакова

Про девушку, которая не хотела замуж

Глава 1

Из под одеяла торчала нога. Нормальная волосатая мужская нога и больше ничего. Одеяло комком было намотано на голову. Женька улыбнулась. Так же спал ее двоюродный братишка — вся верхняя часть тела оказывалась закрытой, и только выглядывали тощие детские ножки в вечных синяках. Тетка жаловалась, что по два раза за ночь встает размотать потную голову Даньки.

Женя осторожно подвинулась к краю кровати и оглянулась на ногу. Владелец ноги не пошевелился. «Спит. Только бы не проснулся. Неохота знакомиться». Она, не дыша, сползла и на цыпочках прошла по комнате, собирая белье. «Ну и ну. Ничего не помню. Как же его зовут... Валера? Сережа? Н-да-а... Текила вчера явно была лишней. Ой, блин, мы же потом поехали к какому-то Косте, там еще покурили. Вот поэтому я ничего не помню. Дура. А может оно и к лучшему, что ничего не помню».

Женька разглядывала среди разбросанного белья следы ночного буйства. На полу валялись

разорванные серебрянные квадратики. Раз, два, три, четыре... Ни фиги себе. В голове вспыхнули отдельные фрагменты. Женька покраснела. «Ну ты, мать, даешь... Надо уходить». Она наклонилась, чтобы поднять с пола юбку. Под кроватью лежали еще несколько квадратиков, на этот раз целых. «Товарищ, а не слишком ли вы много на себя берете. Тоже мне...».

Одеяло на кровати зашевелилось. Женька замерла. В дополнение к ноге из комка одеяла показалась рука. Женька стояла, не шелохнувшись. «Фух. Спит. Сейчас бы душ и кофе. Но нет, потерплю до дома без шума и пыли. Иначе, я его разбужу. Для романтических воспоминаний мне вполне достаточно ноги. И руки». Женька посмотрела на руку. На запястье темнела татушка — замысловатые пиктограммы в окружностях. Галлифрейский язык! На руке у Женьки тату из него же. Точно. Они же на этой почве познакомились. В голове стало проясняться: барная стойка, парень со знакомой татуировкой... Впрочем, лица она так и не вспомнила.

Женька, собрав одежду в охапку, двинулась к двери. Внезапно остановилась. На нее вдруг накатил приступ веселого сумасбродства. Она присела и составила из использованных и целых средств регуляции рождаемости небольшой коллажик с издевательским посылом. «Вот. Привет

тебе, незнакомец. Будешь знать». Что именно должен знать спящий незнакомец, в голове у Женьки не оформилось. Она быстро оделась в прихожей, взяла в руки туфли и выскочила за дверь. Замок, к счастью, не подвел.

На площадке Женька перевела дух. «А домик-то припонтванный». Не вызывая лифта, она сбежала вниз по мраморной лестнице. Консьержка проводила ее многозначительной ухмылкой. «Завидуешь, старая мегера? Завидуй».

В пустом дворе, между двумя автомобилями представительского класса, сидела большая лохматая собака с налипшими колючками по бокам. При виде Женьки собака потянула морду. Та виновато развела руками. Собака зевнула и потрясла головой.

«Сука. Как ты сюда попала? Как есть сука. Кто же еще будет шляться по чужим дворам» — непонятно про кого подумала Евгения, шлепая по утреннему городу. В голове звучали голоса мамы, бабушки, тетки и классной руководительницы одновременно. «По чужим дворам в субботу утром шляются хляди, шлынды и лярвы. Нет. Лярвы, кажется это из другой оперы». Лучше всех в квалификации хлядей разбиралась классная.

Школу Женька закончила пять лет назад, но весь опыт народной мудрости классной она могла воспроизвести с точностью до запятой. Женькиным

одноклассницам, которые курили, красились и прогуливали школу, стокилограммовая блюстительница морали предрекала будущее строго в соответствии с тарифной сеткой хлядей. Женька не курила, не красилась, училась на отлично в двух школах. Танцы, музыка, английский. Однако, проиллюстрировать пособие по хлядям и шлындам из всего их класса смогла бы, в итоге, только она.

Одноклассницы в колготках сеточкой и черным лаком на ногтях после школы пошли прямым замуж. Там и осели. Косметику смыли, ногти подстригли, колготки сменили на практичные джинсы, чтобы об коляску не рвалось. И только на встречах выпускников девчонки вспоминали школьный статус, но уже в соответствии с нынешней модой среднерусской провинции: каблуки, красная помада, черные брюки и блузки расстегнутые до того места, чтобы выпирало достойно. Выпирать было чему. Некоторые уже рожали по второму. На Женьку смотрели с жалостью. Во-первых — не замужем. Во-вторых, — одевалась не пойми во что. Она и в школе-то выглядела непонятным заморышем, а сейчас вообще как из цирка: зеленые боты, клетчатые штаны. Лет четырнадцать можно дать. Скажи им, что она популярный блогер в фэшн-индустрии — не поверили бы.

Кабы Женькина воля, она на встречи и вовсе бы из Питера не приезжала, но мама и бабушка

просили. Бабушка в прошлом — заслуженный завуч школы, а мама и сейчас преподает. Естественно, русский и литературу. Что может быть ужаснее, чем родиться в интеллигентной семье в промышленном стотысячнике. Да еще с наследственной патологией замужества.

В краю покорителей металла Женькины предки застряли после эвакуации из Ленинграда. Предки исключительно по женской линии. Других не было. Не задерживались мужчины в их семье. Но их, честно говоря, и заводили-то на время, только, чтобы родить в браке. А дальше искусственным равнодушием и виртуозной техникой уничтожения выдавливался мужчина из фарфорового царства нотных папок, крахмальных передников, обедов в крошечной гостинной, воскресной филармонии и стерильной сантехники. Именно сантехника, ежедневно протираемая трехпроцентной перекисью, добивала суровых металлургов окончательно. Ну не было подходящих для этого интерьера. Может, и были где-то в далеком Питере, а здесь лучшие экземпляры водились в инженерной среде градообразующего предприятия. Мужчины пахли табаком, ели копченую колбасу и смотрели телевизор.

Двадцать пять лет назад бабушка, повздыхав, одобрила выбор Женькиной мамы. В конце концов, рожать-то надо, возраст поджимает. Кого она в

школе найдет? Сама бабушка после войны вышла замуж за врача скорой помощи, завязавшего алкоголика. Прожила четыре года и развелась спокойно, без истерик и дележа. У мамы брак продился семь лет. Мужчины уходили виновато и недоуменно, что же это вообще было. В Женькиных воспоминаниях они остались с игрушками, сладостями и воскресными дурацкими аттракционами в парке. Из детства она вынесла убеждение, что мужчина — предмет в доме лишний и потому «удерживать» его, как многочисленные таньки и машки из сплетен, не стоит. Кроме того, мужчина нарушал своими носками гармонию интеллигентского быта. Что и говорить, женщины в этом доме держались с превосходством оплодотворенной самки, дожевывающей незадачливого осеменителя.

Потом Женька закончила школу и практичные женщины семьи, посоветовавшись, решили вернуть ее в Питер. В их Ленинград. Глядишь, там выйдет замуж «по-настоящему». Но Женя от такого бабского цинизма уже к восьмому классу знала, что замуж она выходить не станет даже под расстрелом. А детей рожать — тем более. Но в Питер поехала. А там уже выяснила, что мужчины — они не только для «замуж и детей». Во всяком случае, для нее, Женьки, открылись новые горизонты. А еще в Питере можно было жить в зеленых ботинках и

клетчатых штанах.

Когда мама с бабушкой опомнились, их ясноглазая кровиночка, уже всю осваивала технику безопасности женского пикапа. В ход пошли манипуляции с давлением и вызовами скорой в прямом эфире скайпа. Женька хладнокровно посоветовала старшему поколению сменить терапевта и заодно прочитала лекцию про бесплатную медицину, которая приучила теток гонять скорую по своим истеричным прихотям. Мама с бабушкой притихли. Рычагов давления не было. Зарабатывала Женька в месяц столько, сколько они вдвоем за пол-года. Правда, впахивать ей приходилось без выходных. Вместо диплома она брала уже второй академ. Бабушку, кстати, больше чем моральный облик, потрясло, как можно было променять немецких романтиков на статьи про трусы и помады. Женька пожала плечами. А ты попробуй. Чтобы подписчиков было под сотню тысяч, писать надо каждый день. Каждый. Выпадать нельзя. Но зато оно выстрелило. Наконец-то!

Женю пригласили на собеседование в серьезный издательский дом. Не тупой глянец-однодневку, а легендарный журнал о высокой моде. С историей в пол-века. Франшиза из города Парижу. Как она хотела эту работу! С командировками в Европу, красными дорожками,

показами, знаменитыми профи. Это было интересно. И главное, можно было бросить опостылевший блог.

Собеседование в понедельник, а сегодня суббота. Отлично. Можно выспаться и прийти в норму. Хотя она и так была в порядке: несмотря на вчерашние излишества, чувствовала себя, на удивление, хорошо.

Дома — долгожданный душ, сон, потом работа, работа, работа. А вечером можно позволить себе любимое одиночество и хороший фильм. Кино Женька предпочитала несообразно ни германской филологии, ни своим блогерским талантам. Она любила боевики. Да так, чтобы кровища хлестала в каждом кадре. Или вообще фильмы про войну. С родным и знакомым с детства: «так точно, товарищ старший лейтенант... к выполнению боевой задачи отделение готово... а потом как вжарим «Смуглянку»...». До фильма дело не дошло, вечером Женька отключилась в девять часов. Даже дневной сон не помог. В течение дня перед глазами всплывали то рука, то нога из ночного приключения, но все это постепенно затягивалось паутинкой нереальности. Было и прошло, не вспоминай. А то совесть проснется.

Глава 2

В воскресенье позвонила Виктория, шеф-редактор из журнала.

— Ты готова?

— Да, да.

— Завтра в десять придешь в офис. Я тебя представлю генеральному директору издательского дома.

— А он...

— Да не бойся. Это формальность. Реверанс начальству. Он в мою работу не лезет и мне полностью доверяет.

— Форма одежды?

— Свободная. Но ты помнишь, куда идешь, так что — дорого, красиво и со вкусом. Хоть с голой задницей приходи, но чтобы эта задница могла пойти на обложку. Поняла?

— Да чего уж тут непонятного. Спасибо, Вик.

— Потом поблагодаришь. Давай, до воскресенья. Я тебя без десяти внизу встречу с пропуском.

Женька задумчиво разглядывала гардероб. Выбрать было из чего, заказчики часто рассчитывались товаром. Даже чаще, чем хотелось. Женька предпочитала наличные, но экономическая ситуация в стране была перманентно нестабильная, так что капризничать не приходилось. Она

вытащила юбку из последней коллекции именитого модельера. Юбка едва прикрывала попу. Женька и так-то выглядела от силы лет на семнадцать: невысокая, тонкая, с детским лицом. На роковую женщину никак не тянула, поэтому эксплуатировала образ нимфетки. К юбке приложила блузку, похожую на школьную рубашку. По контрасту с нежным комплектом — грубые сапоги, косметики — минимум, короткий маникюр. Посмотрела в зеркало и усмехнулась. Да уж, мечта педофила. Зато эффектно и, главное, эффективно.

В понедельник Женя стояла на первом этаже известного бизнес-центра. Виктория, в сногшибательном костюме, сама как с подиума, завела Женьку в лифт. Она была выше ее на голову, да еще и на каблуках. Женька от окружающего великолепия слегка оробела.

— Первое время присмотришься. Придется побегать на посылках, интервью пока тебе никто не доверит. На командировки тоже не рассчитывай. Ну может, если в Прагу... Я тебе потом покажу, кому надо понравиться. — Виктория давала инструктаж, цокая шпильками по стеклянной галерее нового здания.

Они подошли к двери генерального директора издательского дома. Приемной, по последней демократичной моде, не было.

— А что мне ему сказать? — спросила испуганная Женька.

— Скажи «Здравствуйте». Остальное я сама скажу. Ой, да не волнуйся. Я ж тебе говорю — у него своих дел хватает. Он вообще нормальный мужик. Тут без него есть кого бояться. Знаешь, какой серпентарий... — Виктория без стука толкнула дверь.

В кабинете было свежо и прохладно, шелестели промытые листья зелени под кондиционером. За столом перед компьютером сидел мужчина лет тридцати в легком льняном пиджаке.

— Привет, Паш, — сказала Виктория.

— Привет, — не отрываясь от компьютера, ответил мужчина, — что у тебя?

— У меня новая сотрудница. Привела познакомиться. Но, если ты занят, мы пойдем. Заявление потом принесу.

— А-а... да...да... — рассеянно ответил мужчина, продолжая смотреть в экран, — сейчас, Вик, не уходи. У меня один вопрос..., - мужчина замолчал и защелкал на клавиатуре.

Виктория с Женей терпеливо ждали.

— Все, — он наконец поднял голову от компьютера и посмотрел на Женю.

— Здравствуйте, — сказала примерная Женя.

Мужчина немного помолчал, потом встал

из-за стола.

— Присаживайтесь, — он показал девушкам на кожаные кресла.

Женькина юбка не была рассчитана на низкое кресло, поэтому когда она села, ее ноги оказались совершенно голые. Она сложила ладони на коленях. Виктория с удивлением смотрела на директора. Тот, засунув руки в карманы, прошелся по кабинету.

— Чем будет заниматься новая сотрудница? — спросил генеральный директор.

— Чем мы занимаемся, Паш? Писать.

— О чем? — спросил директор.

— О моде.

— Да? А давайте-ка, для начала, наша новая сотрудница, как, кстати, вас зовут?

— Евгения.

— Да. Интересно. Так вот, Евгения, напишите нам на тему морально-нравственного поведения современной девушки.

Виктория с Женей переглянулись.

— Паш, ты чего? Это же не наш формат.

— Значит пусть напишет в нашем формате. Проявит чудеса пера. Хороший журналист любую тему в нужный фантик завернет. Например, напишет об увлечении молодежи легкими наркотиками. Или о безопасном сексе.

— Паша! — Виктория вытаращила на него

глаза.

— Павел Андреевич, — зловещим голосом ответил директор.

Женька ничего не понимала, кроме того, что нервный Павел Андреевич почему-то сильно разозлился. И похоже, разозлился, на нее. Где-то в районе позвоночника противно засверлило непонятной тревогой. Она сидела, смиренно сложив руки на коленях и старалась не встречаться взглядом с Павлом Андреевичем. Тот же, наоборот, несколько раз внимательно смотрел Женьке в лицо.

— Что-то очень жарко стало, не находите? — директор скинул пиджак и повесил на спинку стула. Он остался в одной футболке с короткими рукавами. Женька искоса взглянула на странного директора, которому вдруг стало жарко в холодной комнате, и обмерла. На руке у него была знакомая татуировка. Павел Андреевич, заметив реакцию Жени, едва заметно покачал головой. Виктория, красная от гнева, едва сдерживалась при Женьке, чтобы не сказать Павлу, что она думает о его внезапном самодурстве.

А Женьке стало жарко по-настоящему. Ее прошиб пот. Она прочно прилипла голыми ногами к кожаному сиденью. Павел, сфокусировав взгляд на голых коленях Жени, выпил воды из кулера и завелся по новой.

— И вот еще. На испытательный срок —

нормированный рабочий день. С девяти до шести. Все статьи — на мой стол.

Виктория в тихом бешенстве постукивала шпилькой.

«Когда я встану, моя попа отлипнет с интересным чпоком, — думала несчастная Женя, — и этот чпок станет контрольным выстрелом в Павла Андреевича. И в мою будущую карьеру».

— Ну что же, Павел Андреевич, — сказала, поднимаясь, Виктория, — мы обсудим создавшуюся ситуацию и результаты сообщим в письменном виде, — интонируя под бессмертного персонажа, Виктория за руку сдернула Женю с кресла и они вышли за дверь.

— Ну Паша, — прошипела Виктория, впечатывая каблуками по галерее, — попросишь ты у меня за пятерых поработать.

— Это из-за меня, Вик. Я ему не понравилась, — жалобно промямлила Женька.

— Да при чем здесь ты! Это ему Светка настучала про автосалон... Совсем сбрендил. Морально-нравственный облик... А может у него с Дашкой проблемы? Да нет, ей всего одиннадцать.

— А кто это — Дашка?

— Дочка.

— Он женат?

— Разведен.

— Слушай, Вик. Может и не надо, раз так, —

Женька была деморализована.

— Ну нет. Еще как надо. Будешь работать, как миленькая. Под меня ведь копают.

— А мне что, завтра к девяти?

— Да, — рявкнула Вика.

— И про этот... морально-нравственный облик писать?

— Именно. Золотым пером. Как и было сказано. — Виктория распахнула дверь кабинета и влетела туда, приветствуя подчиненных всеми возможными комбинациями ненормативной лексики.

Женька побрела к лифту.

Глава 3

На следующий день к обеду статья была готова. Женя осталась довольна. Ей даже понравилось: эксперименты со стилем, немного стеба, много иронии. В итоге, удалось втиснуть морально-нравственные ориентиры в развязный постмодерн большого глянца. Про безопасный секс она писать не стала, чтобы не напоминать двусмысленную шутку в доме Павла.

Женя понесла статью Виктории. Сегодня Женька была похожа на учительницу младших

классов: классические брюки, белая рубашка, спортивные туфли. Ей очень хотелось слиться с бело-серыми стенами бизнес-центра. Чувствовала она себя неважно.

— Молодец. Выкрутилась, — Виктория статью одобрила, — неси Павлу... Андреевичу, — добавила она, поглядев поверх очков в оправе за три тысячи евро.

— Вик, а может ты?

— Обалдела. Ты хочешь, чтобы шеф-редактор бумажки за тебя на подпись носил. Или, может, курьерскую службу вызвать? Ты давай это... Здесь тебе не Интернет, а строгая иерархия и крепостное право. Ты — моя подчиненная. Самого низшего звена, кстати. Так, что соблюдай субординацию. Иди. — Виктория еще посмотрела на Женьку и смягчилась, — Что ты волнуешься? Это вчера его муха укусила... Он уже и забыл. Вообще, у него на баб аллергия. Как с Маринкой развелся, так проходу не дают. Он сам от них шарахается.

«Угу. Я заметила» — угрюмо подумала Женька.

Виктория уже уткнулась в экран.

Женя шла по стеклянной галерее. Шла и боялась. Воображение рисовало, что ей скажет наедине обладатель руки и ноги.

«Хоть бы у него были посетители. Я бы тогда под шумок влезла со статьей, а потом улизнула» —

в голову лезла всякая ерунда.

Женя свернула в просторный холл и подошла к двери генерального директора. За дверью было тихо.

«Никого нет. Надо подождать». Женя спряталась за угол и заняла наблюдательную позицию, мечтая, что в кабинет Павла Андреевича зайдет разом человек десять. Но в холле никого не было. Прошло минут пятнадцать. Женя с тоской думала, что на роль идиотки, в этом великолепном здании, она теперь обречена.

— Евгения! Вы играете в казаки-разбойники? — за спиной раздался громкий голос Павла Андреевича.

Женькино сердце, не выдержав напряжения двух дней, куда-то выскочило. Сама Женька подпрыгнула вслед за ним, резко обернулась и ударилась затылком об угол стены. В глазах потемнело. Она помотала головой, как та собака во дворе Павла, потом развернулась и быстро пошла прочь.

— Евгения! Стойте!

Она ускорила шаг, на ходу комкая лист со статьей.

— Женя, подожди, я не хотел тебя напугать, — Павел пошел за ней.

Женька побежала. Из глаз брызнули слезы.

«Господи, если он меня сейчас догонит, то

увидит мое зареванное лицо. Какое унижительное положение. Пропади она пропадом, эта работа». В начале галереи она увидела металлическую лестницу, которая вела вниз. «Пожарный выход? Все равно. По галерее я с таким лицом не пойду». Женька торопливо начала спускаться по крутой лестнице. Тонкие кожаные подошвы заскользили по металлическим ступеням, она не удержала равновесие и покатила вниз. «Ну все» — успела подумать Женька, потом ее многострадальный затылок стукнулся об бетонный пол и она потеряла сознание.

Очнулась Женя, когда уже стемнело. В здании мигали голубым светом редкие лампы. Женя осторожно пошевелилась. Тело болело все целиком, но руки-ноги двигались. Она потрогала затылок, шишка была с кулак. Очень хотелось пить.

«Как же меня не обнаружили за целый день?» — Женя, кряхтя и ойкая, поднялась и остановилась, с ненавистью глядя на крутую лестницу. Под лестницей находилась дверь. Без замка. Женя потянула ручку. Дверь открылась. Женька злорадно оглянулась на лестницу и вышла во двор.

Она оказалась в одном из закутков бетонного колодца. Свет падал из арки вдалеке. Она пошла по направлению к арке, поминутно проваливаясь в какие-то ямки и колдобины. При каждом движении тело выдавало порцию боли. Женька в очередной

раз споткнулась. В проулке сильно воняло тухлятиной. «Вот тебе и бизнес-центр. Помойка. Халтурщики».

В проеме арки показались два мужских силуэта. Женя сначала напряглась, но потом увидела, что это полицейские. «Слава богу! Хотя выведут из этих дербеней. Форма у них какая-то странная. Новая, что-ли?». Женя хотела уже обратиться к полицейским, но тут один из них вскинул оружие и прицелился в Женю.

— Стоять! Не двигаться! Руки за голову!

Женя, не успев испугаться, обернулась. Никого нет. Женя снова удивленно посмотрела на полицейского. Он определенно целился в нее — Женю. Она сделала еще шаг вперед.

— Стоять, я сказал! На землю! Ложись на землю!

Женя успела подумать, что удары головой без последствий не проходят, но тут у нее за спиной затрещала автоматная очередь и полицейский упал, из живота у него брызнул фонтанчик черной жидкости. Второй полицейский бросился в укрытие, доставая оружие. Женьку грубо схватили чьи-то руки и потащили назад в бетонный колодец. Ушибленное тело взвыло, Женька закричала, ей тут же зажали рот руками и втиснули в тесное помещение.

— Тихо, — сказал рядом женский голос, —

они сейчас уйдут. Их мало.

Еще какое-то время слышалась автоматная очередь и одиночные выстрелы. Потом все стихло. Руки отпусти Женю. Она обернулась. Перед ней стояла девушка в камуфляже. Белые волосы заплетены в косу. На поясе висела кобура.

— Ты откуда? — спросила девушка.

Женя закрыла глаза, в надежде, что эта девушка сейчас исчезнет. Но она не исчезла.

— Амнезированная, — сказала незнакомка. —

Пойдем.

— Куда? — прошептала Женя.

— В бункер. К Марии.

— А кто это? — не зная зачем, продолжала спрашивать Женя.

— Комроты. Уходим. Здесь оставаться нельзя.

Женя послушно пошла за девушкой в камуфляже. Они несколько раз спускались, потом шли по тусклым переходам, потом снова спускались. Пару раз им встречались девушки и женщины с оружием в руках. Женька впала в легкий транс. Тело от пережитого, странным образом, почти перестало ныть. Наконец, они зашли в просторную комнату. Несколько девушек сидели за столом. На стенах висели карты Петербурга, расчерченные от руки красными и черными линиями. Вдоль стены стояли странные кресла, напоминающих массажные, но с большим

количеством пультов управления. На столе — бутылки с водой.

— Пить... — просипела Женя.

Женщина в черном комбинезоне вопросительно посмотрела на белобрысую девушку.

— Амнезированная, — ответила та.

Женьке дали бутылку воды. Она выпила и боль сразу вернулась в тело. Допив, Женя без разрешения села на пустой стул.

— Что там?

— Только двое. Без прикрытия. Не знаю, может, их группа Светловой догнала...

— Ушли?

— Один. Другой там лежит.

— Ранен?

— Нет.

— А эта? — девушка кивнула на Женьку.

— Не знаю. Я не успела допросить.

— Ты откуда? — обратилась к Жене высокая в черном комбинезоне.

— Я ... С Васильевского...

Женщина нахмурилась и переглянулась с остальными.

— Хех, — противно засмеялась коротко стриженная толстушка, — да как же ты можешь быть с Васильевского, когда он пол-года уже разбомблен и затоплен.